

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

Путешествия на берег Маклая

Почему я выбрал Новую Гвинею

Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать, почему я выбрал Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди жили и живут до более близкого

столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т. д.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание.

С другой стороны, еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель — исследование первобытных народов — мне казалась достойной посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласно с моими желаниями повидать другие части света, и знания мои подходящи для такого предприятия. Занятия анатомией человека и медициной могли значительно облегчить антропологические работы, которыми я думал заняться.

Но где найти эти первобытные племена людей вне влияния других, поднявшихся на сравнительно высшую степень цивилизации?

Между многочисленными островами Тихого океана о-ва Меланезии менее известны, чем остальные, хотя и представляют большой научный интерес. Среди них Новая Гвинея по своей величине и неизвестности играет первую роль. Величина острова в точности не определена. Господствуют два мнения — одно предполагает его поверхность равной 10800 кв. миль, другое 13000.¹

Мы получим лучшее представление о размерах Новой Гвинеи, сравнивая их с расстояниями в Европе: длина ее равняется приблизительно расстоянию от Гибралтара до Амстердама, а наибольшая ширина — ширине Пиренейского полуострова между Валенсией и Лиссабоном или Парижем и Триестом.²

Несмотря на то, что Новая Гвинея открыта уже более трехсот лет тому назад, только некоторые из ее берегов известны европейцам

¹ Площадь острова Новая Гвинея составляет 829000 кв. км., или 16900 кв. миль (Н. Н. Миклухо-Маклай имел в виду, по-видимому, географическую милю, равную 7 км; кв. милия, таким образом, составляет 49 кв. км). — Ред.

² См. Finsch. *Neu-Guinea und seine Bewohner*. Bremen, 1865, S. 12. Petermanns *Geographische Mitteilungen*, 1869, Taf. 20. — Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания к тексту принадлежат самому Н. Н. Миклухо-Маклаю. — Ред.

благодаря посещению их мореплавателями различных национальностей. По сведениям, не вполне достоверным, Новая Гвинея открыта португальцем де Менезесом около 1526 г. Название «Новая Гвинея» было дано Торресом и Ортес де Рецом в 1545 г., во время их второго плавания, вследствие «темного и курчавого населения», которое они нашли схожим с африканскими неграми. Однако у Бэра³ сказано, что Менезес был на острове, расположенном западнее Новой Гвинеи, и что испанский мореплаватель Альвар де Сааведра открыл северный берег Новой Гвинеи и, судя по некоторым испанским источникам, он же дал название острову из-за внешнего сходства волос туземцев с неграми.

Здесь достаточно заметить, что наибольшую заслугу по исследованию северо-восточных, северных и западных берегов острова имеют голландские мореплаватели. Южный берег описан англичанами. Восточный определен Дампиером, открывшим мыс короля Вильямса, и обследован Дюмон д'Юрвилем, открывшим два значительных

³ K. V. Baer. Ueber Papua und Alfuren, Mem. de l'Academie des Sciences de St. Petersbourg. Sixième Serie, Sciences Naturelles, t. VIII, 1859, p. 275.

залива — Астролябии и Гумбольдта. 4
Внутренность острова и его природные богатства
остаются еще неисследованными.

Англичанин Джюкс⁵, говоря о Новой Гвинее, замечает, что он не знает страны, изучение которой так бы льстило воображению. По его мнению, исследование богатств внутренней части Новой Гвинее, представляющее интерес для натуралиста, этнолога, географа и для всех вместе, должно вознаградить любопытство смелого путешественника.

Далее он замечает, что теперешние сообщения о внутренней части Новой Гвинее подобны волшебным страницам из арабских сказок, таящих чудеса, которые в них сокрыты.

Уоллэс⁶, с своей стороны, указывает, что ни одна страна земного шара не имеет таких своеобразных новых и красивых произведений природы, как Новая Гвинея, а также, что она

⁴ Waitz. *Anthrop. d. Naturvölker*. V. Heft Malayen. 1865, S. 1.

⁵ Jukes. *Narrative of the Surveying Voyage of H. M. S. «Fly»*, 1842–1846. London, 1847, v. I, p. 291.

⁶ A. R. Wallace. *Der Malayische Archipel*. Deutsche Ausgabe von Meyer. Braunschweig.

является самой большой *terra incognita*, которую остается исследовать естествоиспытателям. Путешествие Уоллэса объяснило нам распространение фауны в Малайском архипелаге и позволило сделать интересные выводы относительно геологической истории нашей планеты. Хотя Уоллэс и не исследовал Новой Гвинеи, но все же его работа пролила некоторый свет на фауну этого острова.

По его мнению, фауна Новой Гвинеи принадлежит к австралийской, но, будучи мало исследованной, не позволяет еще вынести окончательного суждения.

Представляя совершенно другие условия жизни, чем Австралия, и будучи страной преимущественно гористой, покрытой лесом, имея климат более жаркий и сырой, Новая Гвинея, несмотря на сродство фаун, вероятно, имеет такие значительные особенности, которые позволяют предполагать, что она является единственной страной, где могут скрываться вполне новые органические формы.⁷ Новая Гвинея по своему

⁷ Хотя Новая Гвинея не была, конечно, единственным местом, где можно было ожидать открытия новых растительных и животных видов, однако Н. Н. Миклухо-Маклай был прав в том отношении, что на Новая Гвинея ещё и сейчас возможны сенсационные зоо- и

положению является центральным звеном цепи в исследовании органической природы Полинезии, могущим дополнить наши сведения касательно проблематического материка Лемурии.

Но не в одном зоологическом отношении Новая Гвинея представляет такое большое поле для исследования. Она имеет также важное антропологическое и этнографическое значение, так как населена мало известной расой папуасов, положение которой в ряду прочих народов не выяснено.

Более изолированные и менее подверженные смешению с другими племенами, жители Новой Гвинеи могут оказаться исходной группой для

ботанические открытия. К наиболее громким из них следует отнести обнаружение в 2005 году группой американских исследователей в тропических лесах горного района Новой Гвинеи места, названного ими «Эдемским садом». Этот изолированный от внешнего воздействия район площадью около 3 тыс. кв. км. расположен на склонах гор Фоджа на западе Новой Гвинеи. Учёные обнаружили в «Эдемском саду» более 20 неизвестных ранее видов лягушек, 4 новых вида бабочек, 5 неизвестных науке видов пальм и множество растений. Обнаружены несколько видов редчайших сумчатых — древесных кенгуру, а также шестипёрая «райская птица» Берлепша, ранее считавшееся вымершей. Все животные не боятся человека, в частности, редкая длинноклювая проехидна позволила учёным взять себя в руки. — Ред.

сравнения с остальными темнокожими народами, разбросанными по Малайскому и Меланезийскому архипелагам. Новая Гвинея, по всей вероятности, сама населена не одним, а многими различными племенами.

Таковы были соображения, побудившие меня при обдумывании плана путешествия на о-ва Тихого океана избрать исходным пунктом Новую Гвинею. Между приведенными выше многочисленными вопросами я избрал в этнографическом отношении две задачи, которые, как мне кажется, следует решить прежде других, ибо они представляют большой общенаучный интерес. Во-первых, выяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам, почти еще не установленное и представляющееся мне очень важным. Во-вторых, по возможности по собственным наблюдениям, определить распространение этой расы сравнительно с остальными племенами Тихого океана, держась того мнения, что благодаря этому этнология народов, населяющих о-ва Тихого океана, значительно разъяснится, тогда как теперь она представляет еще много спорного.

Так как я не хотел заниматься по зоологии систематикой и не имел склонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу, то и цели, поставленные Уоллэсом, не могли руководить

моим путешествием.

Работы же по сравнительной анатомии вполне оставляли мне свободу для последующей перемены места исследований, поэтому я и подчинил план своего странствования антропо-этнографическим целям, при которых у меня всегда останется время для специальных анатомических изысканий.

Решив это, я без долгих размышлений избрал Новую Гвинею первой станцией своего путешествия, как более трудную во всех отношениях, пока мои силы постепенно не ослабли от других напряжений.

Теперь мне следовало бы в кратких чертах остановиться на том, что известно о Новой Гвинее. Однако наши познания в этом отношении очень невелики, а кроме того, это уже сделано другими, тщательно собравшими те немногие сведения, которые разбросаны в разных сочинениях о путешествиях. Финш, например, собрал все касающееся Новой Гвинее в отдельной книге. Замечу мимоходом, что в зоологическом отношении Новая Гвинея имеет свои особенности. В цитированном уже неоднократно сочинении Бэра мы имеем отличную разработку данных касательно той части человеческого рода, которая населяет Новую Гвинею. Материал критически рассмотрен и разобран, и выдвинут ряд вопросов, ожидающих ответа.

Казалось бы, что таким образом вся научная литература о Новой Гвинее систематизирована, и мне остается только отправиться добывать новые факты. Однако я желал бы показать читателям, насколько еще не установилось антропологическое положение той расы, которую мне предстоит исследовать.

Не останавливаясь на первых работах о папуасах и на различных описаниях, разобранных Бэрром, я прямо перейду к новейшим сведениям о них, относящимся к настоящему времени, рассматривающим предмет с точки зрения зоолога и лингвиста.

Уоллэс, пробывший почти восемь лет в частых сношениях с папуасами и малайцами и, как сам выражается, постоянно наблюдавший их, очень энергически напирал на различие обоих племен, основываясь не только на их внешности, но и на их характере. Причисляя малайцев к народам Азии, Уоллэс объединяет папуасов с полинезийцами, которых вместе с жителями Австралии считает за остаток общей океанийской расы, населявшей некогда теперь покрытый водою материк.

Уоллэс говорит и об альфуру, отделяя их от папуасов и ставя ближе к малайцам, но не причисляя к последним. Он предполагает, что они, как и малайцы, азиатского происхождения.

Если бы на все это имелись доказательства, то

этот вопрос о соотношении племен имел бы прекрасное решение. Однако очень трудно связать папуасов с полинезийцами, отличающимися от них и по языку и по наружности. Меньше затруднений представляет объединение австралийцев с папуасами.

Уоллэсу тем более было трудно разрешить эти вопросы, ибо он незнаком с полинезийцами и австралийцами по личным наблюдениям (по крайней мере, я нигде не находил у него в книге указания, что он был в Полинезии или Австралии).

Что же касается большого различия между малайцами и папуасами, на которое указывает Уоллэс, то после Блуменбаха почти все классификаторы человеческих племен всегда отделяли первых от последних.⁸

Первое пребывание на Берегу Макляя на Новой Гвинее (с сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.)

20 сентября

⁸ Впервые в полном виде напечатано в «Известиях ВГО», т. 71, вып. 1–2, 1939, стр. 284–287. Черновой набросок статьи хранится в архиве ВГО, ф. 6, т. 1, № 7. — Ред.

Около 10 часов утра показался, наконец⁹, покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвинеи. ¹⁰ Корвет «Витязь» шел параллельно

⁹ Выйдя из Кронштадта 8 ноября (н. ст.) 1870 г. и зайдя в Копенгаген, Плимут, о. Мадейру, о. Св. Винцент (один из о-вов Зеленого мыса), Рио-де-Жанейро, Пунта Аренас и бухту Св. Николая в Магеллановом проливе, Талькахуано, Вальпарайсо, о. Рапа-Нуи, о. Мангареву, Папеити (на о. Таити), Апию (на о. Уполу, одном из о-вов Самоа), о. Ротуму и порт Праслин (на о. Новой Ирландии), мы на 316-й день увидели берег о. Новой Гвинеи. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания Н. Н. Миклухо-Макля. — Ред.)

¹⁰ Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты с лишком 10 000 футов, тянутся параллельно берегу, т. е. в западно-северо-западном направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-помалу закрывают часов в 10 или в 11 утра весь хребет, за исключением более низких гор (1500 или 2 000 футов высоты). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозой. Таким образом, к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

берегу Новой Британии из порта Праслин (Новая Ирландия), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс короля Вильяма (King William), находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (на картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10000 футов). В проходе между о. Рук и берегом Новой Гвинеи виднелось несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета¹¹.

Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высотой приблизительно до 1000 футов) и представляла очень характерный вид.

¹¹ Светло-зеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды *Imperata*) на поляне по скатам гор.

Правильность этих террас более заметна внизу, на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека.

В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью. Около 6 час. вечера отделился недалеко от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, а на берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне.

Не найдя удобного якорного места (нас пронесло около 90 сажен), мы прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединяясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 сентября

За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на двадцать. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков; посередине их тянулись белые *strati* (слоистые облака).

Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один над другим хребта. По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было более.

Около 10 час. 30 мин., подвигаясь к зал. Астролябии, мы увидели перед собою 2 мыса: южный — мыс Риньи (*Rigny*) и северный — мыс Дюпере (*Dupereu*), оба невысокие; второй далеко выдающийся в море ¹². Облака понемногу

¹² Мыс Дюпере, названный так Дюмон-Дюрвилем,

заволокли вершины высоких хребтов; громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, легли на них. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31 °С. Часам к 12 мы были среди большого зал. Астролябии.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь» капитаном второго ранга Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но, кроме столбов дыма на холмах, ничего не заметили. Подойдя, однако, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты

оказался не мысом материка Новой Гвинеи, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных людей.

оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженьях в 70 от берега на 27 саженьях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого ¹³ скалистого (поднятого кораллового рифа) берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительно занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт.

Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливymi. После долгих совещаний между собой один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который он положил у берега и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но, когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженной командой, я попросил дать мне шлюпку без матросов, приказал своим обоим слугам Ульсону и Бою спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими

¹³ У самого берега глубина была несколько сажен.

будущими соседями, захватив предварительно кое-какие подарки — бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через двадцать мы приблизились к берегу, где я и увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимой хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей.

Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтобы добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились

дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собою, никто из них не отважился подойти к моей шлюпке.

Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далеко виднелись из-за стены зелени, доходившей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог. Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, я увидел узенькую тропинку, проникавшую в чашу леса.

Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид.

Средина площадки была хорошо утоптана, а

кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темно-зеленом фоне окружающей зелени, а ярко-пунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов и *Coleus* оживляли общую картину леса, состоявшего из бананов, панданусов, хлебных деревьев, арековых и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какою-то корой и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. У двух хижин, однако, двери остались открытыми, — видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть.

Двери находились на высоте 2 футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину. Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь. В хижине темно, с трудом можно различить находящиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу

несколько камней, между которыми тлел огонь и которые служили опорой стоявшего на них сломанного горшка, на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — человеческий череп.

Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу его подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал ее себе на голову.

Папуас этот был среднего роста, темно-шоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных

дуг, с большим ртом, почти, однако же, скрытым торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из тряпки, шириной около 8 см, повязанной сначала в виде пояса, спускавшейся далее между ног и прикрепленной сзади к поясу, и двух тесно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы.

За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист *Piper betel*, за другую на левой руке — род ножа из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом, — кости казуара). Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомца показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню.

На площадке я нашел моих слуг, Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу кусок табаку, с которым тот, однако же, не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за

нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел среди них на камень и принялся наделять разными мелочами — бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначение гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное, различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомца представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка красно-бурых волос, из-под которой сзади спускались на шею скрученные пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии.

Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовалось несколько черных и белых перьев (казуара и какаду) в виде веера. В ушах были

продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка, толщиной в очень толстый карандаш, с вырезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. д., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами.

У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которые были заткнуты различные предметы — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти что в рост человека) и стрелу более метра длины.

При различном цвете волос, то совершенно черных, то выкрашенных красною глиной, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волосы на бороде также завивались в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых.

Из этих восьми впервые встреченных мною папуасов четыре оказались больными: у двоих

элефантиазис изуродовал по ноге; третий представлял интересный случай psoriasis'a, распространенного по всему телу; у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, сидевшими на больших твердых шишках, а на лице находилось несколько шрамов — следы, вероятно, таких же давнишних чирьев.

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более закрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружающим меня папуасам сопровождать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия.

Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге,

которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром.

Не без труда удалось втащить их на палубу; Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен фонарь, и дикари мало-помалу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи и угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили, и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу.

21 сентября

Берег залива Астролябии в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных цепей гор различной высоты тянутся вдоль берега и только на западно-северо-западном

берегу прерываются изменностью. Северо-западный берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно 5–6 тысяч футов) покрыты густой растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти к самому берегу, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймлен коралловыми рифами, а реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам, и в таком случае служит удобной пристанью для туземных пирог.

Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на рассвете на мостике корвета и остался вполне доволен общим видом страны, которую избрал для исследования и, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый, папуас Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть

молебен по случаю дня рождения Вел. кн. Константина Николаевича и установленный пушечный салют; поэтому я решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что я не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало меня возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шума, я боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропинке и минут через десять подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным как по близости к ручью, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив таким образом место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже

во время салюта.

Пушечные выстрелы, казалось, приводили туземцев больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле они то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, или приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным я не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга.

Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было нелишним. Из трех осмотренных нами мест одно нам особенно понравилось. Значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко отсюда обрабатывают плантации, я объявил

командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к трем посланные с корвета люди занялись очисткой места от кустов и мелких деревьев, а плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных деревьев (*Canarium commune*).

22, 23, 24, 25 сентября

Все эти дни я был занят постройкой хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеной парусины). Одну половину я назначил для себя, другую — для моих слуг Ульсона и Боя. Так как взятых с Таити досок не хватило, то стены были сделаны из дерева только наполовину, в нижней их части, для верхних же частей, равно как и для двух дверей, опять служил брезент, который можно было скатывать.

Для крыши заготовлены были особенным образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, купленного на Таити и приспособленного на корвете. Сваи, верхние крепления, стропила пришлось вырубать и пригонять уже здесь; но

благодаря любезности командира корвета рук было много, и постройка шла успешно.

Туземцы, вероятно, испуганные пальбой 21-го числа и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2–3 человека, и то редко. Офицеры корвета занялись съемкой бухты и при этом посетили 5 или 6 прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, пустые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли между прочим также более десятка черепов.

Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоит на якорю, названа в честь генерал-адмирала и президента Русского географического общества портом Вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, назвали островом Витязь (впоследствии я узнал, что туземное имя его «Били-Били»).

25-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания здесь корвета. Между тем приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что, когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы

(указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя).

Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень — Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д. и показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь. Возвратясь на корвет, я рассказал о виденной мною пантомиме в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведовавшего на «Витязе» артиллерийской частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты на случай крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, которые старался объяснить мне Туй.

26 сентября

Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться с вещами, часть которых оставлялась на Гвинею, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь на Новую Гвинею не с целью кратковременного путешествия, а продолжительного, в течение нескольких лет житья, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от европейской пищи. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средства пропитания. Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порту.

Я взял кое-что, но так мало, что П. Н. Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни. Он оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться

и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев она же давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность.

Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения их от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса, а человек 30 матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 м длины и 70 м ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех — густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами.

Я указал между прочим командиру и офицерам место, где я зарюю в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.)

¹⁴ Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета «Витязь» из Кронштадта Вел. кн. Константин Николаевич 17 октября 1870 г. осматривал суда, отправлявшиеся в Тихий океан (корвет «Витязь», клипер «Изумруд», лодки «Ермак» и «Тунгуз»), он при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где между прочим спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать.

На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию. Когда же князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: «Вашему высочеству известно, что так как цель моего путешествия на Новую Гвинею — научное исследование этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки.

Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить на Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нравов туземцев, я из предосторожности запасся несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если бы можно было устроить таким образом, чтобы русское военное судно зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были вырыты и пересланы Русскому

находилось под большим деревом, недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около 3 часов порт Константина — имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина, — представлял очень оживленный вид. Перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи, несколько раз отправляясь на корвет и возвращаясь к берегу. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делался более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья и т. д.

К моему сожалению, я не мог присмотреть за всеми этими работами — пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены. Весь вечер провозился я с этими вещами и без помощи В. П. Перелешина и А. С. Богомолова,

географическому обществу». Выслушав меня внимательно, князь, пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни моих рукописей на Новой Гвинее. Помня это обещание генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя».

которым я очень благодарен за их внимание ко мне и любезность, я бы не кончил уборки в тот вечер.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

27 сентября

В 2 часа утра привез я последние вещи и у домика застал г. Богомолова, который принимал и сторожил мои вещи на берегу, в то время как Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина была в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь.

Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Возможность, однако, закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около 4 часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении. Что и кому писал сегодня утром, помню смутно; знаю только,

что последнее письмо было адресовано Вел. кн. Константину Николаевичу.

Поблагодарив за все бескорыстно оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыса флаг, но, заметив, что последний не спускается, подошёл к Ульсону посмотреть, в чем дело, и, к удивлению и негодованию, увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбрившегося на словах, руки дрожат, глаза полны слез и он тихо всхлипывает.

Взяв с досадой из его дрожащих рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно. Между тем корвет выходил из порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну. Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда.

Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа

папуасов. Они прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похожи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский национальный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбежались в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше, но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет; не с прежним добродушием поглядывал он на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место. Туй знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он действительно сейчас же удалился, но не

прошло и часа, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостей, я продолжал устраиваться в моем помещении.

Туй опять обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головой назад и проговорил что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка), и удалился. Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести

человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я наблюдал сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегающими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в порт Константина. Я им подарил разные безделушки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября

Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на три вахты, я взял на себя самую утомительную — вечернюю (от 9 до 12 часов). Когда в 12 часов я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей, другие повесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышей. Одну сторону моей комнаты (7 футов длины и 7 ширины) занимает стол (около 2 футов ширины), другую — две корзины, образующие мою койку (неполных два фута ширины).

В проходе, шириной около 3 футов, помещается мое удобное, необходимое мне складное кресло. Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которые ловят рыбу. Бой (повар) приготавливал нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису. Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября

Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов. На руках и на лбу образовались подушки от укусов комаров, муравьев и других бестий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих им по ночам покоя насекомых.

30 сентября

Днем видел только несколько туземцев; все,

кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Я решил, однако, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам люблюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царит всегда мне приятная тишина — не слышать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порой какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует: я отдыхаю. Потом эта ровность температуры, великолепие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами, с одной стороны, и лес с тропической растительностью, с другой, — оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака не менее фантастических форм. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели, или, вернее, до

первой ступени длинной лестницы, которая должна привести к цели...

Пришел Туй, у которого я взял урок папуасского языка. Прибавив несколько слов к моему лексикону, я точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ему ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около 25; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, шедшие за ними несли на головах посуду и, наконец, остальные — кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мною; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня.

Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой моей вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили, из деликатности или боязни — не знаю. Все знали мое

имя, обращаясь ко мне, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте — губной гармонике, которая в большом ходу на о-вах Самоа и на которой Бой играл с большим искусством.

Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, папуасы ушли; при прощанье они протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитый элфантиазис.

Часов в десять вечера разразилась над нами сильная гроза; дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

1 октября

Проснувшись до рассвета, решил идти в одну из деревень — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе. Отправляясь, я остановился перед дилеммой — брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не

может принести значительной пользы моему предприятию.

Путив его в дело при кажущейся крайней необходимости, даже с полнейшим успехом, т. е. положи я на месте человек шесть, очень вероятно, что в первое время после такой удачи страх оградит меня, но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев в конце концов превозмогут страх перед револьвером.

Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню вооруженным. Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь, дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю, напр., сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным ко всем любезностям папуасов.

Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушит все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, т. е.

ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду. Заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение.

Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой — я не имел понятия. Слышалось несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться. Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет четырнадцати или пятнадцати. Мы молча с секунду глядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему — значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов, женский визг, и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посередине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались. Увидев меня, несколько копий были подняты и некоторые туземцы приняли очень воинственную

позу, как бы готовясь пустить копьё.

Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копьё были опущены. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо.

Такого не нашлось. Я остановился около «барлы», и ко мне подошло несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла пущенные одна за другой две стрелы, очень близко от меня.

Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо меня пролетевших стрел.

Я мог заметить, что, как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию, но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я, в свою очередь, стал глядеть кругом — все угрюмые, встревоженные, недовольные

физиономии и взгляды, как будто говорящие, зачем я пришел нарушать их спокойную жизнь.

Мне самому как-то стало неловко, зачем прихожу я стеснять этих людей? Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать; кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вызванная моим приходом, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня.

При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, — я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если

бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно, я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрывать глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штиблеты, распустил пояс и найти что-нибудь подложить под голову. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки. Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, лежа на циновке или же во сне. Далее я подумал,

что если бы пришлось умирать, то сознание, что при этом 2, 3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвера.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жалобная песня «коки» (*Chlamidodera*), напротив, наводила сон; треск цикад также несколько не мешал, а способствовал сну. Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа два почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость, в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними. Я решил идти домой и стал приводить свой костюм в порядок. Эта операция очень заняла окружающих меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь,

показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер с севера, со шквалами и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается здесь уже в 7 часов; в безлунные ночи темень страшная — шагах в четырех от дома трудно его отличить. Всю ночь дождь лил ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрылась ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие из них. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратить; я поспешил исполнить его просьбу, интересуясь знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, все еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Утром бродил при отливе по колена в воде, но ничего интересного не попало. Папуасы притащили мне 4–5 длинных бамбуковых палок, футов в 20, для веранды. Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им

показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом и, только когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этой чертой характера моего приятеля, я подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастать подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя, еще явилось несколько человек также с подарками; я дал каждому по два гвоздя средней величины.

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарками: то, чего у кого много, он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производят еще на туземцев какое-то особенное впечатление — им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ждут появления чего-то особенного. Весьма немногие

смотрят мне в глаза и отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые смотрят на мою хижину и на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне кажется, что в их лице выражается зависть).

Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены, и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха особенно малой величины; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолбленный ствол от 2 до 3 м длины и от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ м ширины; он имеет вид корыта, поддерживается двумя брусьями; когда ударяют по

бокам его большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль. У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: приходившие ко мне имели физиономию, окрашенную красной охрой, и на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро, все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в большие листья *Arthocarpus incisa*.

2 октября

Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями, жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом Витязь). Большое число разных украшений (из раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые, выкрашенные волосы придавали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономии был не отличим, но различие внешних украшений давало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и

клали один из пальцев между зубами¹⁵.

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, но, однако, я вернулся домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пень. Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

3 октября

Отправился утром при отливе за добычей на риф; гулял по колено в воде, сверх ожидания, набрал на несколько интересных *Calcispongia* (известковых губок). Через полчаса у меня было более чем на день работы. Вернувшись с рифа, я решил, однако, оставить микроскоп в покое до завтра и идти знакомиться с моими соседями в

¹⁵ Это вкладывание пальца, иногда и двух, в рот оказалось очень характерным и общим выражением удивления у туземцев.

деревню — на восток от мыса Обсервации. Отправился я туда, разумеется, не зная дороги, просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу — густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новизной всего окружающего...

Из леса вышел к морю. Следуя морским берегом, нетрудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогой, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега на хорошо утоптанную тропинку и сделав несколько шагов, я услышал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин. Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену.

Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались очень занятыми; несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; две или три женщины возились с детьми разного возраста; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много, и жар вовсе не чувствовался.

Разговор был общий и казался очень оживленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес. Вдруг пронзительный крик — разговор оборвался, и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили; таща детей с собою, боясь оглянуться, женщины кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбежались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумеваю, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но пока я таковых не знал, и приходилось довольствоваться лишь жестами, что было вовсе не легко. Они стояли вокруг меня, нахмурившись, и перекидывались словами, которых я не понимал.

Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру.

Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен.

Большинство посматривало на меня боязливо, и все как будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ, подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний о самих туземцах, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр.

Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча. Мне очень хотелось пить. Меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мною, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь долее, я не подвину

вперед моего дела — знакомства с туземцами, я встал и при общем молчании прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, как нелегко будет одолеть недоверие туземцев и что на это потребуется немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны. Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которые начинали беспокоиться по случаю моего продолжительного отсутствия; они между прочим известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли 3 свертка: для меня, для Ульсона и Боя.

Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутил их замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба очень сконфузились и уверяли, что это была свинина; однако я остался в сомнении.

4 октября

Вечером какое-то маленькое насекомое влетело мне в глаз, и хотя мне удалось его

вытащить, но глаз очень болел всю ночь и веки распухли, так что о работе с микроскопом нельзя было и думать. По этому случаю утром, при самом начале прилива, я отправился бродить на риф и так увлекся, что не заметил, как вода стала прибывать. Возвращаясь с рифа на берег, мне приходилось несколько раз погружаться в воду выше пояса.

Кончили крышу веранды и возились с уборкой своего гнезда. Помещение мое всего в 1 кв. сажень, а вещей тьма.

5 октября

Очищал площадку перед хижиной от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с каждым днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться.

Вечером слышу — кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно повышенная температура.

6 октября

Часу в четвертом из-за мыса Обсервации вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди, и один только

стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал.

Пирога направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик, или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек 6 или 7 туземцев, защищенных крышей от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад. Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече.

Действительно, через четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались туземцы. С гостями, прибывшими, как я узнал, с островка Били-Били, пришло несколько моих соседей туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого. Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же. Мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а...», «е-е-е...», чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать

палец в рот.

Гвозди им также понравились. Я дал им, кроме гвоздей, несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков. У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красной охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое спускалось на грудь и состояло из двух клыков папуасской свиньи (*Sus raruensis*), связанных таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равной верхней и нижней частью.

Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», по-видимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен буль-ра нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож.

Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа. Я был, однако же, удивлен, увидев их снова через полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки. Церемония поднесения подарков имеет здесь свои правила: так, например, каждый приносит свой подарок отдельно от других и передает его прямо в руки лицу, которому хочет

дарить.

Так случилось и сегодня: каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону — значительно менее, а затем Бою — еще меньше. Люди Били-Били долго оставались у хижины и, уходя, когда стало темнеть, знаками указывая на меня и мою шляпку, а затем на свой островок, который виднелся вдали, показывали жестами, что не убьют и не съедят меня и что там много кокосов и бананов. Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я больше почему-то подарил безделушек, обнимали меня левой рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!» Когда они отошли на несколько шагов, то, полуобернувшись и остановившись, согнули руку в локте и, сжимая кулак, разгибали ее; это был их последний прощальный привет, после которого они быстро скрылись.

10 октября

Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки. Как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

12 октября

Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что нездоров. Моя хижина теперь — настоящий лазарет. Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеет специальное туземное название; так, напр., небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагаси; мыс Обсервации напротив — Габина и т. д.

Деревня, которая была посещена мной вечером в день прихода «Витязя» в порт Константина, называется, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идут Бонгу, дальше Мале, еще дальше (отличающаяся несколькими светло-желтоватыми кустами (*Coleus*) и лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя») Богатим. Еще далее у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, дер. Горима; на восток от Гарагаси деревня, к которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем далее Марагум, еще далее дер. Рай.

При расспросах Туя я не мог не подивиться его смышленности, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления — с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая

относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге несколько не интересовали его; он как будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся.

Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали, хотя и сам после вчерашнего пароксизма еле-еле волочу ноги. Пришлось приготовить обед самому. Весь вечер охание обоих больных не прекращалось.

13 октября

У меня пароксизм повторился. Все больны. Скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

14 октября

Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом чтобы отделаться от стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнут ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы для меня противны.

Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке, Бой же был на ногах и варил бобы к обеду. Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мною табак (американский в табличках) начинает нравиться туземцам.

Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: во-первых, берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые кладут на специальный лист ¹⁶, также высушенный над огнем, и свертывают в виде сигары, а затем уже курят, проглатывая дым.

Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним, как со своим, т. е. разрывают табачную табличку на мелкие кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и примешивают к своему табаку. Одна папироса переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или два раза, проглатывает его медленно и передает сигару соседу.

¹⁶ Я постоянно замечаю, что для отыскания подходящего листа туземцы уходят в лес и возвращаются с каким-нибудь листом, но не всегда одинаковым.

Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготавливал тонкие, узкие полоски из ствола какого-то гибкого, вьющегося растения. Сперва он выскобливал одну сторону его, отдирая от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколками раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслетов «сагю», носимых туземцами на руках выше бицепса и на ногах у колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным инструментом, что, казалось, никакой другой не может служить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю, я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

15 октября

Из вчерашнего моего разговора с Туем оказывается, что горы вокруг залива Астролябии весьма населены. Он называл множество имен деревень, прибавляя к каждому имени слово «мана», т. е. гора.

После трех дней лежания цвет лица Боя заметно посветлел — побледнел.

16 октября

Вчера вечером — сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу. На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости.

Сегодня в продолжение дня перебивало в моей хижине более 40 человек из разных деревень, что мне порядком надоело; умей я говорить — дело было бы иное; но изучение языка идет вперед все еще туго.

17 октября

У Боя, только что оправившегося от лихорадки, явилась новая болезнь — сильная опухоль лимфатических желез в паху, отчего он движется еще медленнее прежнего. Ульсон тоже плох. Еле-еле шевелит языком, словно умирающий, валяется весь день, ночью вздыхает и охает; вечером же, при заходе солнца, выползает и прохладается с непокрытой головой, разумеется, украдкой от меня, так как я ему запретил выходить куда-либо без шляпы, особенно при свежем береговом ветре.

Последнюю неделю мне часто приходилось стряпать на нас троих.

Я привязан к этим двум субъектам и не могу никуда уйти из дому на несколько дней. Туземцы их нисколько не слушаются, между тем как я взглядом заставляю моих соседей останавливаться и повиноваться мне. Замечательно, как они не любят, когда я на них смотрю, а если нахмурюсь и посмотрю пристально — бегут.

18 октября

Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была нелегкая, так как слой земли очень незначителен, и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутано, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы с Таити и кукурузу; не знаю еще, что взойдет, так как семена, кажется, плохи (т. е. лежали слишком долго). Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм; сожалел на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

19 октября

Погода меняется. Кажется, что скоро начнутся дожди, а моя крыша протекает. Чувствуются последствия лихорадки: усталость во всем теле и

нежелание чем-либо заняться.

К ночи собралась гроза. Беспреданно сверкала яркая молния, но грома почти что не было слышно.

20 октября

Сегодня визит тринадцати человек с Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от обитателей последнего. Из моих подарков они ценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень неуспешно: не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия несколько — четыре, пять, иногда и более. Острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение — заменить высокое крыльцо верандой, т. е. переставить трап и закрыть полустеной (из кокосовых листьев) переднюю часть веранды.

Задумано — сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы

нарубили разного материала для постройки, и к обеду, т. е. к 4 часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 футов длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

22 октября

Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песку, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудобство: много песку остается в бороде.

Возвращаюсь к дому около 5 час. 45 мин. Уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для чая. Я

отправляюсь на веранду и жду там чая, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около 7 часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапориметре; вынимаю из земли зарытый на 1 м глубины термометр и записываю его показание.

Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычей сажусь за микроскоп или кладу в спирт собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу до 11 часов. В 11 завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кэрри.

После завтрака ложусь в повешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в 7 часов. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, напр., приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение.

Приход папуасов часто прерывает мои занятия, так как я спешу к ним, не желая упустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю. После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который подает мне Бой около 6 часов и который состоит из тарелки

отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки»¹⁷ и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день — вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен.

Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад.

В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В 9 часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, предпоследний акт дня — очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату,

¹⁷ Чарки — чилийское название сушеной говядины, привезенной мною из Вальпарайсо.

осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простыней. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но в действительности очень интересной для меня жизни.

23 октября

Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около 65 шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на 20 или на 30 — иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь...

Затем Туй показал целый маневр боя. Держа лук и стрелы на левом плече, а копьё в правой руке, он отбежал шагов 10, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал

стрелу, то наступал с копьем, как будто стараясь ранить неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемой стрелы. Другой туземец соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характерен.

24 октября

Сегодня утром я был удивлен внезапным появлением грибов различных форм, которых я прежде не видел. Они выросли решительно повсюду: на стволах деревьев, на земле, на камнях и даже на перилах моей веранды. Вчера вечером их положительно не было. Очевидно, они выросли за ночь. Чему приписать это появление, не знаю.

Думая об этом, мне пришло на ум внезапное и трудно объяснимое появление разных эпидемических болезней, которые также, вероятно, происходят от внезапного развития микроскопических грибков и тому подобных организмов. Один из более курьезных грибов, выросший в продолжение нескольких часов и удививший меня своею величиной и формой, я тщательно нарисовал.

Сегодня я обратил внимание еще на то обстоятельство, что в этих странах носовой платок

делается почти ненужной вещью. В продолжение месяца у меня в кармане пролежали почти без употребления только два платка. Причина тому — отсутствие или большая редкость катара носовой полости, который в Северной Европе почти что постоянен.

Лунная ночь сегодня великолепна. В лесу фантастически хорошо. Качаясь в своем гамаке, подвешенном между деревьями, прислушиваясь к ночной музыке и созерцая разнообразие растительных форм, облитых лунным светом, *verlor mich ganz in der Contemplation der prachtvollen geheimnisvoll-fantastischen Umgebung...* Да простят мне русские патриоты и реалисты эти строки!

25 октября

Лежание в гамаке вечером не прошло мне даром. Ночью чувствовал озноб и проснулся весь в испарине и каким-то расслабленным. Все утро одолевала такая лень, что почти ничего не делал. Лень было даже и читать, так как держать книгу, лежа в гамаке, показалось мне слишком утомительным. После обеда рисовал, но вскоре стемнело — не успел кончить. Снова идет дождь; приходится переносить вещи с одного места на другое. Бой все еще лежит, Ульсон еле-еле двигается.

Удобный у меня характер — живу и смотрю на все окружающее, точно до меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, напр., в настоящую минуту, когда крыша протекает, на голову падают крупные капли холодного дождя и когда все бумаги, рисунки и книги на столе, перед которым я сижу, могут вымокнуть.

26 октября

Я и Ульсон работали целый день в лесу, а затем в хижине, стараясь поправить крышу. Бой, все еще страдающий от своей опухоли, охает или, вернее, мычит, как теленок. Этот концерт мне был так невыносим, что выгнал меня из дому. Дав больному небольшой прием морфия, я вышел на площадку. Ночь была великолепная, и долетавшие стоны больного представляли резкий диссонанс с невыразимой прелестью природы.

27 октября

Стон Боя продолжался всю ночь, часто будил меня, и благодаря ему я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне. Выпив чай, я отправился в кухню (в

шалаш) и, действительно, увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел.

Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя. Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показал на осколки стекла и на свою верхнюю губу; тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты; он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины.

Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно повысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла.

Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин — инструментами, употребляемыми папуасами для резания, — легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми

для них предметами.

Войдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению, что виной тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в полграмма), и хорошо сделал, потому что к часу я почувствовал лихорадку во всех членах, но благодаря приему хины предупредил пароксизм. Ульсон тоже плох: ходит и говорит как больной. Бой не встает. Опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... Везде мокро.

28 октября

Приходил опять Туй, опять я его вначале не

узнал — так изменилось выражение его лица. Его физиономия, казалось мне, отличалась от других своею симпатичностью, теперь она производит на меня неприятное впечатление. Причина тому — выражение рта. Линия рта вообще имеет значительное влияние на выражение лица, но такого разительного доказательства верности этого замечания я еще не встречал. Усы и борода, действительно, хорошая маска. Опять часу во втором вдали показались парусные пироги. Думал, что придут гости, но никто не явился.

Бой стонет ужаснейшим, раздирающим голосом; дал ему небольшой прием морфия, который его скоро успокоил. В 8 часов пошел дождь. В 9 часов, окончив мои метеорологические наблюдения, я уже хотел лечь спать. Вдруг опять слышу стоны. Что такое? У Ульсона опять пароксизм. Очень сожалею, что поселился под одной крышей с другими. Это будет в последний раз.

29 октября

Несмотря на стоны Ульсона, я заснул. Но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчет, что это может быть. Вышел на веранду.

Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как вышеупомянутый вой не мог быть не чем иным, как пением туземцев.

Надо было сказать Ульсону, что я ухожу. Ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двухствольное ружье около его койки и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагаси. Хотя дождь и прошел, но было пасмурно; однако благодаря взошедшей, хотя и скрытой облаками луне я мог пробираться осторожно по тропинке. Пение слышалось все громче, по мере того, как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пень и стал вслушиваться.

Пение, или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще поднимался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума.

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче

и громче, такт все учащался; наконец, пение переходило в какой-то почти что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменял намерение: вместо того чтобы идти вперед, я пошел назад и не помню, как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще впросонках слышал отрывки папуасского концерта.

30 октября

Сегодня утром шел в первый раз в это время дня дождь. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь перестал, я был свидетелем, сидя на пне у моего флагштока, оригинальной ловли рыбы. Был отлив; мелкая рыба, должно быть, преследуемая акулами, которых здесь немало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды. Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за эволюциями рыб. Вдруг рыбы, вероятно, жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен, и дно, разумеется, хорошо видно.

Вдруг Туй сделал энергичный прыжок, и

одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногой. Он сперва придавил ее ступней, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительной силой; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другую убитую камнем рыбку. Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однако же, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около 45 или более.

Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагаси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиной в руку, была передана мне. Он то же сделал с небольшим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их — не искусен я, и притом с двух сторон море, а с других двух лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну. Не могу сказать, что

совершенно здоров: голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы.

Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему почти насильно прорезал большой нарыв — это было необходимо. Я приказал Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около 11 часов, слышу опять стоны: у Ульсона пароксизм. Ходит, качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить; лихорадка, по-видимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель, который, по его словам, беспокоит его уже несколько лет, кажется, стал сильнее за последние недели, вследствие опухоли, которая кончилась нарывом. Вот уже недели две, как он лежит и почти что не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

31 октября

Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями с ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежной прической и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

1 ноября

Видел снова несколько туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы. Вдали показались две парусные пироги, идущие от дер. Богати, направляясь, кажется, сюда.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагаси чаще других туземцев, приходит и уходит, не говоря ни слова и не делая никакого жеста. Я не ошибся: две партии туземцев, человек около двадцати, приходили ко мне. Так как я желал от них отделаться поскорее, то промолчал почти все время, не переставая наблюдать за моими гостями, расположившимися вокруг моего кресла.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы; они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приходятся по обеим сторонам ягодиц. Иногда они ложатся, подпирая подбородок рукой, и продолжают, переменяя положение, говорить или есть.

Ульсон принес свою гармонику и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени

некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем, музыка, раздиравшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону.

Чтобы отделаться от гостей, я раздал каждому по полоске красной материи, которой они повязали себе головы. Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского денди требуется, вероятно, немало времени.

2 ноября

Ночью решил, что отправлюсь один в шлюпке посмотреть на конфигурацию ближайших холмов. Встав еще до света и выпив холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, я отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс Обсервации), а затем вдоль берега, по направлению к дер. Мале. За береговым лесом поднималось несколько холмов, футов в 300 высоты, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокой травой. В нескольких местах в горах, поднимавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлей животных на

поверхности моря, и скоро моя банка наполнилась несколькими небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гарагаси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая более внимательно свою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 час. 45 мин.), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, но на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через два я сидел в хижине и только что принялся отсчитывать деления анероида, как снова почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если

почувствует ночью что-нибудь подобное.

Я боялся проспать землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 г., когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Собиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась к утру, и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачно.

3 ноября

Надо было мне вырубить в лесу несколько шестов, и я только что вернулся домой, как Ульсон пришел с известием, что земля все еще не успокоилась. «Как так?» — спросил я. Ульсон очень удивился, что я ничего не заметил, уверяя, что много раз он чувствовал незначительные толчки.

«Это колебание не земли, а ваших колен, — сказал я Ульсону, — так как часа через полтора у вас будет опять пароксизм лихорадки». Ответом моим Ульсон остался очень недоволен, заявляя, что он не ошибается. Оказалось, действительно, что он был прав, так как в продолжение следующего часа я и сам почувствовал 2 или 3 незначительных, хотя и

явственных колебания.

Необходимо было укоротить канат якоря моей шлюпки; при бывшем ночью сильном прибое ее подрейфовало, и киль ее терся о рифы. Пришлось бродить по пояс в воде, так как Ульсон, действительно, принужден был лечь по случаю лихорадки. Барометр, который весь месяц не поднимался выше 410 делений, оба эти дня стоял очень высоко и поднялся сегодня до 464. После обеда пришел Туй. Он выбрил себе еще часть бороды и брови. Я долго внимательно рассматривал его волосяной покров. Тело мало покрыто волосами; на руках их вовсе незаметно, на груди и спине также немного, но положительно нигде нет и признака распределения волос пучками.

4 ноября

Вот скоро шесть недель, как я познакомился с папуасами, а они не видели еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но, даже уходя в лес, я редко беру с собою револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта безоружность кажется туземцам весьма странной. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копья, лука или стрелы.

Предлагали даже взять у них, но я отвечал на

это только смехом и очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек 20 и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собою. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

5 ноября

Комары и муравьи не давали мне покоя. Спал скверно. Около двух часов утра опять дом заходил и закачался. Землетрясение длилось не более полуминуты, но оно было сильнее, чем два дня тому назад. Под влиянием этих колебаний земли является какое-то любопытство; спрашиваешь себя: «Что дальше будет?» Долго не мог заснуть, ожидая продолжения. Барометр поднимается выше и выше; ночью, во время землетрясения, поднялся до 515. Не знаю, чему приписать это. Утром был дождь, но затем прояснилось.

6 ноября

Ночью была сильнейшая гроза; трудно, не быв на месте, представить себе те раскаты грома и почти непрерывную молнию, которые в продолжение трех или четырех часов оглушали и

ослепляли нас. Дождь падал не каплями, а лил тонкими струйками. После такой ночи утро было свежее, воздух прозрачный. День простоял великолепный, и я без особенных поисков наловил порядочно насекомых, которые после дождя выползли просушиться. Удалось мне также поймать длиннохвостую ящерицу с длинейшими задними ногами.

7 ноября

Ульсона сегодня опять схватила лихорадка, сопровождаемая рвотой и бредом. Успел сделать портрет одного из пришедших туземцев. Трудно заниматься, когда оба слуги больны, приходится самому готовить кушанье, быть медиком и сиделкой, принимать непрошенных любопытных, подчас назойливых гостей, а главное, сознавать, что связан и должен сидеть дома... В такие дни, даже и в том случае, когда чувствую себя крайне нехорошо, я принужден оставаться на ногах.

8 ноября

Снова разразилась гроза; в хижине было повсюду мокро и сыро. Вставал ночью давать лекарство больным, которые стонали и охали весь вечер и всю ночь. Около 12 часов почувствовал

легкое землетрясение, не толчками, а род дрожания земли. Чувствовалось, что горы, весь лес, дом и рифы дрожат под влиянием могучей силы. Все еще сильная гроза с непрерывной молнией и сильными раскатами грома. Потоки дождя и порывы ветра дополняли картину.

9 ноября

Утро было сырое и свежее (всего 22 °С). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидел перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температуре костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносную печь, именно — толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшей.

Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал

прыгать, стоя на месте; очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние. Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень далекой деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом.

Все пришедшие имели при себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полена был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня. Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни с целью иметь возможность во время перехода из одного места в другое зажигать свои сигары.

Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня как жители гор. Тип их был положительно одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи гораздо светлее, чем у моих соседей. Он не казался темнее цвета кожи многих жителей Самоа, что мне сразу бросилось в глаза. Особенно у одного из пришедших кожа на лице была гораздо светлее, чем на теле. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены; ноги крепкие с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они

ушли весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В 5 часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться.

Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом. Здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться гости; там, в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я был очень доволен моим помещением.

10 ноября

Нахожу, что туземцы здесь — народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в 1,5 длиной, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня, в Гарагаси, маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собою и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз двадцать или более посещали меня в Гарагаси.

Другой пример. Приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко, в кустах, они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видал еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня, как от дикого зверя. Самцы у папуасов очень берегут своих самок. Эта черта, встречающаяся у большинства диких, объясняется тем, что они не знают никаких удовольствий, кроме половых. Это отношение к женщинам отличает их от полинезийцев, которые

нередко предлагают самым бессовестным образом женщин всем желающим.

11 ноября

Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться.

Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается почти исключительно бананами и сахарным тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чая.

По вечерам Ульсон надоедает мне постоянными рассказами о своей прошлой жизни. У некоторых людей положительная потребность говорить, без болтовни им жить невозможно. А для меня именно с такими людьми и трудно жить. Сегодня поутру мне удалось сделать довольно удачный портрет Туя.

12 ноября

По ночам здесь гораздо шумнее, чем днем. С полудня до 3 или 4 часов, исключая кузнечиков и

весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт; кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются также голоса разных животных, которых мне еще не удавалось видеть.

Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

13 ноября

У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, как так до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негрэнгва». Если я рисовал кого-нибудь из них, они также говорили: «негрэнгва». Показываю им печатную бумагу — снова: «негрэнгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они

опять употребляли слово «негрэнгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями с гор. Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка. Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однако ж, не согласился, вспомнив, что раз пробовал, но обжег себе язык негашеной известью, которой я примешал слишком много.¹⁸

15 ноября

Во время прилива (около 4 часов) я и Ульсон принялись за нелегкую работу втаскивать на берег четверку, чтобы просушить ее и выкрасить. Шлюпка оказалась очень тяжелой для двух человек, но, несмотря на это, мы ее одолели, причем нам

¹⁸ Во времена Маклая обычай жевать бетель был широко распространен среди папуасов. Листья бетеля жевали, примешивая к ним известь и орех арековой пальмы. Разжевав арековый орех, папуас брал из особой бамбуковой трубки немного извести и клал ее в рот, снимая зубами со специальной лопатки, после чего уже жевал листья бетеля. Все необходимое для жевания бетеля (известь, костяную ложечку, орех и т. д.) туземцы носили при себе в небольшом нагрудном мешке. Жевание бетеля было возбуждающим средством. — Ред.

очень помогли железный лом и система блоков, полученные мною от П. П. Новосильского. После более чем часовой работы, мы, наконец, втащили шлюпку на берег до такого места, куда вода никогда не доходит, даже при самом высоком приливе.

Устали порядком.

16 ноября

После утреннего чая опять принялись за работу: надо было установить шлюпку для очистки и окраски. Тяжелая работа эта продолжалась, однако, не более часа. Пришлось напрячь все усилия, чтобы достигнуть удовлетворительного результата. В другом месте, где можно было бы легко найти помощь, мы оба объявили бы нашу вчерашнюю и сегодняшнюю работу невозможной и прибегли бы к чужой помощи.

Здесь же, где не на кого надеяться, сам принимаешься за все и пробуешь таким образом свои силы. Это полное напряжение способностей и сил во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении и то редко, и чем далее, тем реже оно будет встречаться. Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию

одностороннему, к односторонней дифференцировке.

Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо; не проповедаю возврата на первые ступени человеческого развития, но вместе с тем я убедился на опыте, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно бы было идти более параллельно, а не совершенно отстраняться преобладанием развития умственного.

17 ноября

Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка и т. д. и т. д. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; более догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго,

а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своей добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, — единственное средство для удаления недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы при моих посещениях бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте.

В Гарагаси малейшие признаки нахальства у них пропадают; они терпеливо отвечают на вопросы, позволяют рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагаси у меня все под рукой, и инструменты для антропологических измерений, и аппараты для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собою всюду под мышкой в особых мешках. Я не упускаю случая при посещении горных жителей измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и между прочим собирать образчики для моей коллекции волос.

Как известно, изучение качества волос

представителей разных рас имеет большое значение в антропологии, поэтому я никогда не пренебрегаю случаями пополнять свою коллекцию новыми образчиками. Здесь это собирание представляло сперва некоторую трудность.

Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от собирания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Туя, который между всеми моими новыми знакомыми становился самым ручным?

Если уж он не соглашается на это, то что же будут делать другие, более дикие? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, в обмен. Это удалось, я выбрал несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои.

Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительный возраст и то место на голове, откуда они были срезаны, Туй также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко. Таким образом, т. е. способом обмена на собственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась.

Но в один прекрасный день Ульсон заметил

мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что, держа ножницы в правой руке, мне было легче срезать волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать волосы с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около дер. Мале, куда я, однако ж, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось: было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать, к великому удивлению туземцев.

Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую «буамбраму»¹⁹ Туя, желая

19 Буамбрамами называются большие хижины, особенным образом построенные и назначенные исключительно для мужчин. (Буамбрама имеется в каждой деревне берега Маклая. В больших деревнях таких домов несколько. Буамбрама — больших размеров и выше жилых хижин, имеет только боковые стены; с передней и задней стороны она открыта. Единственную мебель как в семейной хижине, так и в буамбраме составляют нары — «барла». В буамбраме находится сигнальный барабан — «барум», хранятся музыкальные инструменты, которые запрещено видеть женщинам и детям. В буамбраме могут находиться только мужчины и юноши, прошедшие обряд инициации. — Ред.)

как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, слышались возгласы женщин и плач детей.

Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то много мне говорил, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагаси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти что не понял его и, чтоб отделаться, лег на барлу — род длинных нар с большими бамбуками вместо подушек — и, закрыв глаза, повторял: «Няварь, няварь» (спать, спать). У меня часов не было, и хотя было не поздно, но, утомленный моей многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Не ев ничего с 11 часов утра, я чувствовал также большой аппетит. Я был один в буамбрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное

неглубокое блюдо) с холодным таро и вареными бананами.

Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными. Я чувствовал себя настолько освеженным получасовой дремотой и затем подкрепленным пищей, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагаси.

В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать. Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, которые связываются для этой цели особенным образом; взяли каждый по копью, и мы отправились. Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем.

Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьём отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как бы легко ему было сзади проткнуть меня копьём. Я был невооружен по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было

хорошо известно. Я дошел, однако ж, цел и невредим до Гарагаси, где был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду увидеть меня в живых.

22 ноября

На днях я убил голубя (*Capropaha*) у самой хижины, и так как подобного экземпляра я еще никогда не видел, то отпрепарировал аккуратно скелет и повесил его сушиться на дерево довольно высоко. Не прошло и двух часов, как скелет среди белого дня пропал с дерева, в трех шагах от дома. Сидя на веранде и чем-то занимаясь, я видел мельком быстро скрывшуюся в кустах собаку, но не думал, что она уносит скелет, над которым я работал около часа.

Сегодня утром мне удалось убить другого голубя, но он упал в море. Не чувствуя охоты купаться и не желая тревожить Ульсона, который занимался приготовлением чая, я стал ждать, чтобы наступающий прилив прибил мою добычу к берегу. Сидя за чаем на веранде, я следил за медленным движением убитой птицы, которую волны подвигали к берегу. Однако это продолжалось недолго: мелькнул один плавник, затем другой, и тело птицы вдруг скрылось в воде, оставив после себя только несколько водяных кругов. В

некотором расстоянии появилось на секунду несколько плавников акул, которые, вероятно, сражались из-за добычи.

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услышал голос его, зовущий меня. Я вышел — действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характерен и даже эффектен; темное, но хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одной рукой опирался на копьё, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском.

Плащ или накидка из грубой тапы спускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему циновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти. В половине двенадцатого я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила; я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая циновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с циновкой и одеялом.

23 ноября

Пристрелил одну из птичек, которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее «коко». Это имя — не что иное, как звукоподражание ее крику «кокониу-кэй». Когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями; в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона снова лихорадка, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая. Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящиков от консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Тую, после чего множество туземцев перебивало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

24 ноября

Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только что перед этим встал и собирался идти к ручью мыться, поэтому тотчас же

разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже саженьх в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

У Ульсона снова лихорадка и даже более сильная, чем в прошлый раз. Глаза, губы и язык сильно опухли, и я снова принужден исполнять все домашние обязанности.

25 ноября

Несмотря на значительный прием хины (1–5 гран), у Ульсона опять пароксизм с бредом и с сильной опухолью не только лица, но и рук. Опять приходится рубить дрова, стряпать кушанье, уговаривать и удерживать Ульсона, который вдруг вскакивает, хочет купаться и т. д. Особенно надоедает мне эта стряпня. Если бы приходилось делать это каждый день, то я отправлялся бы в деревню и предоставлял туземцам варить таро и ямс за меня.

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу придумать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как по-папуасски такие слова: «да», «нет»,

«дурно», «хочу», «холодно», «отец», «мать»... Просто смешно, но что я не могу добиться и узнать — это остается фактом.

Начнешь спрашивать, объяснять — не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не узнаешь случайно то или другое слово. Между другими словами, узранными от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагаси, возвращаясь откуда-то, я узнал совершенно случайно название звезды: «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири»; луну — «каарам-нири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

27 ноября

Ульсон объявил мне утром, что, вероятно, более не встанет; он едва мог приоткрыть глаза (так опухли его веки) и шевелить языком, который, по его словам, был вдвое толще против обыкновенного. На его опасения смерти я возразил, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он встанет завтра поутру, после чего я его заставил проглотить раствор около грамма хины в подкисленной жидкости, которую он запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой.

Хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, но пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два. Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти что не осталось.

Когда я пробирался через чащу, в одном месте на меня напали осы. Я бросился бежать, оставив дрова и даже топор. Боль от укусов была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асел и Вуанвум, сейчас (около 9 часов вечера) заходили сюда раскрашенные красной и белой краской, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь. У туземцев, как я заметил, с полнолунием соединены особенные собрания; они делают друг другу визиты, т. е. жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи (т. е. во время полнолуния) в форме пронзительного и протяжного воя до Гарагаси.

Так случилось и в прошлую ночь. Я был

разбужен Ульсоном, спрашивавшим, слышал ли я крики и заряжены ли у меня все ружья. Я не успел ответить, как из леса, по направлению к Горенду, послышался громкий пронзительный крик, в котором, однако ж, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам.

Ульсон сказал мне, что последние 5 минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это, может быть, сигнал нападения на нас. Я встал и вышел на площадку. Из многих деревень неслись однообразные удары барума.

Полная луна только что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что слышанные крики произведены были в честь восхода луны, припомнив, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя ее восход. Это объяснение показалось мне совсем удовлетворительным, и, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

29 ноября

Спустили опять на воду вычищенную и

выкрашенную шляпку. Я очень устал; главная работа выпала в этот раз на меня, так как Ульсон, по слабости после лихорадки, мало что мог делать.

30 ноября

Солнце становится у нас редкостью, проглядывая лишь ненадолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничто не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство немислимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными.

3 декабря

Ходил в дер. Горенду за кокосами. По обыкновению, предупредил о своем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное впечатление: так в ней все чисто, зелено, уютно. Людей немного; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде.

Только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой.

На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них, многие, ничего не делая, греются на солнце или расщипывают свои волосы.

Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежееиспеченным дегарголем. Человек 8 собралось скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому — кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча.

Когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль Маклай», т. е. дом Маклая, что и было исполнено. Довольные моими подарками, они убрались все через полчаса. С двоих я успел снять довольно удачный портрет.

Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер

много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно прерываются необходимостью зажигать потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защищаться от сквозняка нечего и думать. Теперь с 8 или 9 часов вечера идет дождь, который начался при заходе солнца и будет идти, вероятно, часов до трех или четырех утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь шел чаще. В декабре он имеет, кажется, намерение идти каждый день. Дождь барабанит по крыше; вода протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым плащом, то по ночам мне до дождя нет дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал более, чем они за мною.

Про Боя уже и говорить нечего: он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет втрое чаще меня; правда, последний, чувствуя самое легкое нездоровье, готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, почему вечером я должен был приготовить чай для нас троих, не позволив ему выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагаси в темные дождливые

ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухнувший от дождя костер, долго раздувать его, потом, так как не оказалось достаточно воды в чайнике, надо было в темноте и под дождем спуститься к ручью.

При этом было так темно, что, зная наизусть дорогу, я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги; приходилось ожидать молнии, благодаря которой я снова попадал на знакомую тропу. При этом дожде и порывах ветра брать с собой фонарь было бы бесполезно. Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным.

Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель 5 как были выброшены последние сухари, которые изъели за нас черви. Мы долго боролись с ними, старались высушить сухари сперва на солнце, а потом на огне, но черви все-таки одолели и остались живы. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро.

Я, действительно, нисколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и

прежде: вареный рис с кэрри и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразие даже нравится мне; кроме того, все эти неудобства и мелочи вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природой, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться.

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный 10-минутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Когда огонь был сделан, оказалось, что воды не было достаточно в чайнике.

Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься; дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, капли дождя, весь лес, каждый листок, даже шип, который сейчас уколол руку.

Только одна секунда — и опять все черно, и мокро, и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего вернуть мне мое обыкновенное хорошее расположение духа, которое меня редко покидает, если я нахожусь среди красивой местности и если около меня нет

надоедающих мне людей.

Однако уже 9 часов. Лампа догорает. Чай допит, от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, надо завернуться скорей в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

5 декабря

После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб.

Бой так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головой одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лестницы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытьи и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с 4 часов. Везде все сыро.

6 декабря

Бой очень страдает. Я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит, тоже повеся нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим, сообщил с очень серьезным видом, что Бой скоро умрет, что Виль (туземцы так

называют Ульсона) болен и что Маклай останется один; при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал: «Придут люди из Бонгу и Гумбу, — при этом он указывал на все пальцы рук и ног, желая этим сказать, что придет много людей, — придут и убьют Маклая». Тут он даже показывал, как мне проколят копьем шею, грудь и живот, и нараспев печально приговаривал: «О Маклай! О Маклай!»

Я сделал вид, что отношусь к этим словам, как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут; на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом: «О Маклай! О Маклай!»

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях, иначе Туй не поднял бы старого вопроса о моем убиении.

Скучно то, что вечно нужно быть настороже: впрочем это не мешает спать. Пришло человек 8 туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли.

Туй и Лали спросили меня вдруг: «Придет ли когда-нибудь корвет?» Разумеется, определенного

ответа я не мог дать. Сказать же: «Придет, но когда, не знаю», я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуасски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек.

Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает 2 дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас стал считать по пальцам, но, должно быть, неладно, по крайней мере, другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке.

Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: [пропуск в тексте. — Ред.] «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались довольными.

Мне снова пришлось смутить их: взяв один из

обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бум, бум» (день, день). Опять пошли толки, но порешили на том, что завернули обрезки в лист хлебного дерева и тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они будут не доверять мне, я ничего от них не добьюсь.

Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь более туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю; думаю, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраной одного Ульсона.

8 декабря

Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду, и когда, после полуминутного горения, фальшфейер потух, пирог

и след простыл.

Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характерной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако, неправильно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги его представляются такими худощавыми, это также неудивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как я это заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками, лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такие негроподобные особи встречаются гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною на Новую Гвинею и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему вернуться на

корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает шпионом.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами, а затем ярким светом у самого спуска от площадки к морю. Вероятно, несколько пирог приближались или уже приблизились к нам. Ульсон завопил: «Идут, идут!» Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями и беспрестанно звавшими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно.

Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая: «Не пускайте их идти далее». Я знал, что выстрел из одного ствола, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия²⁰, и поэтому ждал спокойно, тем более, что мне казалось, что я узнаю знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» (иди

²⁰ Я до сих пор не стрелял из ружья или револьвера в присутствии туземцев. Звуки выстрелов, когда я убиваю птиц в лесу, они не соединяют с понятием о смертоносном оружии.

сюда), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя: «Ники, ники!», протягивал мне правую руку с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. При этом группа вооруженных дикарей, освещенных яркими факелами, заставила меня пожалеть, что я не художник: так она была живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Еме-ме-еме-ме», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

13 декабря

Несмотря на большое утомление, хочу записать еще сегодня происшествия дня, так как нахожу, что рассказ будет более реален, пока ощущения еще не ступшевались несколькими часами сна.

Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете неровно горящей лампы происшествия дня.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю при первой необходимости мои

бумаги, не только исписанные, т. е. дневники, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами. Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял: «О Бой! О Бой!»

Затем, подойдя ко мне, пристал, чтобы я отпустил Боя в Гумбу, чем мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти и его. К полудню я почувствовал легкий пароксизм, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, находя лучшим при таких условиях лечь только в случае самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стон Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова предлагать взять Боя с собою. На что он им — не понимаю; бояться его, как противника, они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника. Теперь уже поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом, угрожавший нашей шлюпке, и послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил ее. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой, но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли.

Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, — так он похудел в последнюю неделю — и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что недолго остается ему стонать. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось еще peritonitis (воспаление брюшины). Я вернулся к своим занятиям.

Во второй раз что-то рухнуло на пол, и слышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не мог. Пульс был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели. Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон возился со шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа через полтора или два.

Известие подействовало на Ульсона, хотя мы ожидали эту смерть уже недели две и не раз

говорили о ней. Мы вместе вошли в комнату. Бой метался по полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него, так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через пять он стал успокаиваться и даже пробормотал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату.

Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он должен набрать несколько камней и положить их в шлюпку, и чем больше, тем лучше, для того, чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно нянчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом климате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком трудно, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют.

Последние два довода поддержали немного падающий дух Ульсона. Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, а главное, что камней будет достаточно, я отправился сам к шлюпке. Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою

посмотреть, в каком он положении.

В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до руки умирающего. Пульса более не было. Нагнувшись и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во все время своей болезни. Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, т. е. поджавши ноги и скрестив руки. Ульсон, стоявший за мною, несмотря на то, что при жизни Боя он постоянно бранил его и дурно отзывался о нем, был очень тронут и стал говорить о Боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего. Когда я выразил Ульсону свое давнишнее намерение, именно — распилить череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем осовел и умильно упрашивал меня этого не делать.

Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я к досаде своей открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался, не без сожаления, от желания сохранить мозг полинезийца, но не от

возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами, языком и т. д., вспомнив обещание, данное мною моему прежнему учителю проф. Г²¹., живущему ныне в Страсбурге, прислать ему гортань темнокожего человека со всей мускулатурой ее.

Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурой. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошли в мою коллекцию. Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же при перерезании *plexus brachialis* рука Боя сделала небольшое движение, Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте. Наконец, все было кончено, и надо было отправить труп Боя в его сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка; как зашнуровали их, оставив отверстие для камней; как в темноте несли его вниз, к шлюпке; как при спуске

²¹ Профессор Карл Гегенбаур, под руководством которого Миклухо-Маклай изучал сравнительную анатомию в Йене. — Ред.

к морю благодаря той же темноте Ульсон остутился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не могли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок.

Отыскав, мы опустили труп, наконец, в шлюпку и вложили пуда два камня в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте. Был отлив, как назло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду.

Не успели мы взяться за весла, как перед нами, в $\frac{1}{4}$ мили, из-за мыса Габина (мыса Обсервации на карте) мелькнул один, затем второй, третий... десятый огонек. То было 11 пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство.

Одним словом, то, чего я не желал, т. е. чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит. «Нельзя ли Боя спрятать в лес?» — предложил Ульсон. Но теперь, с камнями и телом, мешок был слишком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь. «Будем грести сильнее, — сказал я, — может быть, ускользнем». Последовали два, три сильных взмаха веслами, но что это? Шлюпка не подвигается: мы на рифе или на мели. Папуасы все

ближе. Мы изо всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно.

Наше глупое положение было для меня досадно; я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели. Я хотел сделать это, даже несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла в голову счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. С большим удовольствием схватил я нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку.

Мы снова взялись за весла и стали сильно грести. Туземцы выехали на рыбную ловлю, как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было слышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не возбудить внимания туземцев.

«Если они увидят Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас», — заметил Ульсон. Я наполовину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было 33, по 3 человека на пироге. Они были хорошо

вооружены стрелами и копьями и, сознавая превосходство своих сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами.

Но и у нас были шансы: 2 револьвера могли, очень может быть, обратить всю толпу в бегство. Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было, вероятно, причиной того, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них.

Туземцы были усердно заняты рыбной ловлей. Ночь была тихая и очень темная. От огней на пирогах ложились длинные столбы света на спокойной поверхности моря. От каждого взмаха весел вода светилась тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны богатой и разнообразной жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его.

Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим.

Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги удаляются от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыска

Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; но я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь. Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять благодаря темноте и отливу долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь, кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

14 декабря

Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его. Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке.

Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, тот человек, который пришел за ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно. Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью.

Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я

допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил блюдечко на веранду и позвал своих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать другому из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым моим движением. Я прилил к спирту на блюдечко несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который продолжал гореть, на лестницу и на землю.

Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убралась немедленно, как бы опасаясь увидеть что-нибудь еще более страшное. Но минут через десять они показались снова и на этот раз уже целой толпой. То были жители Бонгу, Били-Били и о. Кар-Кар. Толпа была очень интересна, представляла людей всех возрастов; на всех было праздничное убранство и многочисленные украшения, материал которых определялся местом их жительства.

Так, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян; между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря

и занимающихся ловлей морских животных, были навешаны украшения из раковин, костей рыб, щитов черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело их, преимущественно голова, было вымазано черной землей и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно черный, но при виде тех, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых черный цвет был искусственный и что тело жителей о. Кар-Кар в действительности только немногим темнее жителей этого берега.

Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красной охрой; и в волосах, за перевязями рук, и под коленями у них были воткнуты красные цветы *Hibiscus*. Всех пришедших было не менее сорока человек, и три-четыре между ними отличались положительно красивым лицом. Прическа каждого из них представляла какое-нибудь отличие от остальных. Кроме того, что волосы были окрашены самым различным образом, то черной, то красной краской, в них были воткнуты гребни, украшенные цветными перьями разных попугаев, казуаров, голубей и белых петухов.

У многих гостей из Кар-Кара мочка уха была оттянута в виде петли значительных размеров, как

на о-вах Ново-Гебридских и Соломоновых. Гости оставались более двух часов. Пришедшие знали от Туя о горячей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неопиcуемый: большинство бросилось бежать, прося меня «не зажечь моря». Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили бы им, если бы они двинулись. Они стояли, как вкопанные, оглядываясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями.

Не ушло только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить «гаре» (кожу), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух; они летали за ними и, конечно, очень надоедали и мучили их, облепляя раны, как только пациент переставал их отгонять. Я не мог помочь им серьезно, но все-таки облегчил их мучения, обмыв раны карболовой водой, перевязав и тем освободив, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел основание быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так

расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и хотел непременно надеть его на меня.

15 декабря

Снова больные из Били-Били. Один страдает сильной лихорадкой. Я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство); но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства. У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоящим на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль в спине и плечах (вероятно, ревматизм).

Я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натираться, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, затем, вероятно, подумав, что, употребляя незнакомый «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть

их маслом.

Вероятно, он думал при этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные таким поведением, не знали, как отнестись к этому, сердиться ли им или смеяться.

Сегодня я убедился, что наречие Били-Били отличается от здешнего диалекта (Бонгу, Горенду и Гумбу), и даже записал несколько слов, несколько не схожих с диалектом Бонгу. Приходил опять отец с детьми, которые показались мне не темнее жителей Самоа.

16 декабря

Занимался уборкой в моем палаццо, что всегда отнимает много времени, и вполне согласился с верностью индусского афоризма [пропуск в тексте. — Ред.]. Если это случается даже с высокомудрыми людьми, то подавно может случиться со мною, вовсе не претендующим на такую мудрость. Я положительно не имел времени на научные исследования за последнюю неделю.

18 декабря

Туземцев не видать. Очень часто думаю, как хорошо я сделал, устроившись так, чтобы не иметь

слишком близких соседей.

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзин, служащих мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами, и места, где были эти пятна, можно было без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение трех месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце. Многое оказалось негодным.

Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им: «Бой арен» (Боя нет). «Где же он?» — был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рассуждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде, — род ножа и две ложки. Нож, называемый туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи,

между тем как «шелюпа» — из кости кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок.

20 декабря

Наша хижина приняла жилой вид, и обстановка в ней очень удобна при хорошей погоде. Когда льет дождь, то течь в разных местах крыши очень неудобна. Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

25 декабря

Три дня лихорадка. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уже буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не было, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свинцом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно, потому что он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

Замечательно, как одиночество действует различно на людей. Я только вполне отдыхаю и доволен, когда бываю один, и среди этой роскошной природы я чувствую себя, за исключением дней, когда у меня бывает лихорадка, вполне хорошо во всех отношениях. Сожалею только, когда натыкаюсь на вопросы, которые, вследствие недостаточности моих знаний, не могу объяснить.

Бедняга Ульсон совсем обескуражен: хандрит и охает постоянно; ворчит, что здесь нет людей и что здесь ничего не достанешь. Из предупредительного и веселого он стал раздражительным, ворчливым и мало заботящимся о работе: спит около одиннадцати часов ночью, даже еще час или полтора после завтрака и находит, что здесь все-таки «das Leben sehr miserabel».

В чем я начинаю чувствовать, однако, положительный недостаток — это в животной пище. Вот уже три месяца, как мы питаемся исключительно растительной пищей, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи. Есть все время консервы мне так противно, что я и не думаю приниматься за них. Как только я буду в лучших отношениях с туземцами, то займусь охотой, чтобы немного разнообразить стол.

Свинину, которую я мог бы иметь здесь вдоволь, я терпеть не могу. Вчера Туй принес мне и Ульсону по значительной порции свинины. Я, разумеется, отдал свою Ульсону, который принялся за нее сейчас же и съел обе порции, не вставая с места. Он не только обглодал кости, но съел также и всю толстую кожу (свинья была старая). Смотря на него и замечая, с каким удовольствием он ел, я подумал, что никак нельзя ошибиться в том, что человек — животное плотоядное.

Со шлюпкой много дела, так как якорное место здесь очень плохо. При рисовании мелких объектов, руки мои, привыкшие уже к топорной работе, к напряжению больших систем мускулов, плохо слушаются, в особенности, когда требуются от них движения отдельных мускулов.

Вообще при моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкой, и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Разумеется, не скелет руки, а мускулатура ее, отчего пальцы стали толще и рука шире.

Руки мои и прежде не отличались особенной нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, порезами и ожогами; каждый день

старые подживают, а новые появляются. Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей-папуасов, которым, как не имеющим разнообразных инструментов, приходится работать руками гораздо больше моего.

Оказалось, что у них ногти замечательные: по крайней мере в три раза толще моих (я срезал их и мой ноготь для сравнения). Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие этого, по сторонам ногти легче обламываются, чем в середине, и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

27 декабря

Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержимое одной из сумок («гун»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного.

Кроме двух больших донганов, тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как

рычаг или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно, инструменты, способные заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур», раковину (Cardium), имеющую зубчатый нижний край и служащую у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлинённый кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корой (разбитой подобно тапе полинезийцев); это могло служить очень удобным шилом.

Эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своей цели. Туземцы хорошо плетут разные украшения, как, например, браслеты («сагю») или повязки для придерживания волос («дю») из различных растительных волокон. Но странно, они не плетут циновок, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в циновках или недостатку терпения.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрезвычайно схожи с полинезийскими. Туземцы их очень берегут; правда, при примитивных инструментах из камней и костей каждая работа не очень легка; так, например, над деревцом сантиметров 14 в диаметре двум папуасам

приходится проработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса.

Все украшения им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пироги, не лишенные иногда довольно красивого орнамента. Заметив оригинальность и разнообразие последнего, я решил скопировать все виды его, встречающиеся на туземных изделиях.

28 декабря

Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоявшего на платформе Бонема, старшего сына Туя. Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов *Hibiscus*. Стоя на платформе пироги с большим луком и стрелами в руках, внимательно смотря по сторонам, следя за рыбой, грациозно балансируя при движениях маленькой пироги, он был каждую минуту готов натянуть тетиву и спустить стрелу; его фигура была, действительно, очень красива.

Длинные зеленые и красные листья *Colodracon*, заткнутые за браслеты на руках и у

колен, а также по бокам за пояс, который был сегодня совершенно новый, окрашенный заново охрой и поэтому ярко-красный, немало способствовали приданию Бонему особенно праздничного вида.

Туземцы с видимым удовольствием приняли мое приглашение, сделанное мною с целью не упустить случая снять рисунок красивой куафюры молодого папуаса. Она состояла из гирлянды или полувенка пунцовых цветов *Hibiscus*; спереди — три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали гирлянды и тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами *Hibiscus*, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Чтобы другие два туземца не мешали мне, я дал им табак и отослал курить на кухню, в шалаш, и когда кончил рисунок, согласился исполнить их просьбу — дать им зеркало, после чего каждый по очереди принялся за подновление прически.

Бонем вытащил все гребни и цветы из волос и принялся взбивать большим гребнем слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы. После этого волосяная шапка его увеличилась раза в три против первоначального; он подергал локоны на затылке («гатесси»), которые тоже удлиннились. Затем снова воткнул цветы и гребни в свой черный «парик», посмотрел в зеркало, улыбнулся от удовольствия и

передал зеркало соседу, который в свою очередь принялся за свою куафюру.

Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, после каких манипуляций волосы папуасов принимают разнообразный вид, который побудил некоторых путешественников, заглядывавших в разные местности Новой Гвинеи на очень короткое время, своими сообщениями подать повод к значительной разноголосице, встречающейся в разных учебниках по антропологии.

Из плотно прилегающей к голове мелкокурчавой куафюры обоих туземцев, сопровождавших Бонема, она превратилась минут через 5 раздергивания и взбивания в эластичную шапку папуасских волос, так часто описывавшуюся путешественниками, которые видели в ней что-то характерное для некоторых «разновидностей» папуасской расы.

Налюбовавшись своими физиономиями и прическами, мои гости вернулись в свою пирогу, прокричав мне «Э-мем» (не знаю все еще, что значит это слово).

У Ульсона сегодня лихорадка. Не успеваю я немного оправиться, как он заболевает.

29 декабря

Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов. «Не приносили оттого, — хором возразили папуасы, — что «тамо русс» (русские люди, матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось орехов».

Зная очень хорошо, что это было большим преувеличением и что если это случилось, то только в виде исключения, я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочило и побежало указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая: «Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо». Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная посуда мало-помалу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземной — небольшими табирами вместо блюд и половинками скорлуп кокосовых орехов, служащих мне тарелками.

Туземцы здесь чернят себе не только физиономии, но и рот (язык, зубы, десны и губы) веществом, которое они разжевывают; оно называется «таваль». Это они делают не постоянно, а при особенных случаях.

1872 год

1 января

Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем. Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над крышей, падали, и одна из них, около 7 м длиной и 3–4 см толщиной, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я измерял температуру воды.

2 января

Ночью свалилось с шумом большое, надрубленное у корня дерево и легло поперек ручья. Потребовалось много работы, чтобы очистить последний от сучьев и листьев.

3 января

Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня очень маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиной, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую,

полосатую, разновидность²². Темно-бурые полосы сменялись светло-рыжими, грудь, брюхо и ноги были белые.

Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся его чистить, скоблить и варить. Смотря на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едой, можно было видеть, насколько люди — животные плотоядные. Да, кусок говядины — важная вещь! Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселясь в местность, где не было таковой, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Несколько дней тому назад, занимаясь рассматриванием моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов. Особое распределение волос на голове считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось неверным положение, что волосы папуасов растут на теле пучками или группами. Но громадный «парик» моих соседей не позволял ясно убедиться, как именно волосы распределены.

Присматриваясь к распределению волос на

²² *Sus papuensis*. — Ред.

висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко остриженную голову туземца мне не случилось еще видеть. После завтрака, лежа в своем гамаке, я скоро заснул, так как свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущих, тотчас же вскочил. Это был Колле из Бонгу с мальчиком лет девяти, очень коротко остриженным.

С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и даже срисовал то, что показалось мне более важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны идти.

Я с удовольствием подарил им вдвое больше, чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы они позволили вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, как это можно прочесть во многих учебниках по антропологии, а совершенно так же, как и у нас. Это, на взгляд многих, может быть, очень незначительное наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа.

Несколько человек, пришедших из Горенду,

снова подали мне повод к наблюдениям. Лалу попросил у меня зеркало и, получив его, стал выщипывать себе волосы из усов, те, которые росли близко у губ, а также все волосы из бровей; он особенно старательно выщипывал седые волосы. Желая пополнить свою коллекцию, я принес щипчики и предложил ему свои услуги, на что, разумеется, он сейчас же согласился. Я стал выщипывать по одному волоску, чтобы видеть их корни.

Замечу здесь, что волосы папуасов значительно тоньше европейских и с очень маленькими корнями. Рассматривая распределение волос на теле, я заметил на ноге Бонема совершенно белое пятно, происшедшее, вероятно, от глубокой раны. Легкие поверхностные ранки оставляют на коже папуасов темные шрамы, а глубокие остаются долгое время, может быть, навсегда, без пигмента. Кстати, ноги Бонема очень широки — около пальцев от 12 до 15 см; затем пальцы ног кривы; у многих нет ногтей (старые раны); большой палец отстоит значительно от второго.

У Дигу лицо носит следы оспы. Он объяснил мне, что болезнь пришла с северо-запада и что от нее многие умерли. Когда это случилось, и случилось ли это раз или больше, я не сумел узнать. Между прочим, я убедился, что язык Бонгу,

деревни, отстоящей от Роренду всего на 10 минут ходьбы, имеет много других слов; так, напр., камень называется в Горенду «убу», в Бонгу — «гитан», в Били-Били — «пат». У Лалу очень типический анфас по узкости лба (115 мм) и ширине лица между скулами (150 мм).

4 января

Последние две недели дули довольно свежие ветры, преимущественно от 10 часов утра до 5 часов пополудни (здесь они являются редкостью в октябре и ноябре), почему днем теперь гораздо свежее.

Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но, как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также рыбной ловлей. Я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам посмотреть, как они это делают. Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пирогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиной бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которых при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам.

Пироги, однако, вернулись, и минуты через

две шлюпка была окружена десятком пирог, и почти что каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю. На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы (*Imperata*).

Стоящий на носу пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец с «юрком» (острогой), футов 8 или 9 длины, который он метал в воду и почти каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать юр из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, держась почти перпендикулярно в воде. Наконец, третий папуас управлял пирогой, сидя на корме.

11 января

Целых пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать свое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова несносно болела, и я был очень слаб, но, вместе с

тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если встану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытьи и принимал хину, вероятно, не вовремя; это и было главной причиной того, что лихорадка так затянулась.

Около 12 часов пришло несколько человек из Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот самый кокос, который он принес мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня «табир» (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз посередине.

Придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти равные части, причем вода вылилась в тарелку. К нему подсел его товарищ, и оба, достав из своих мешков по «яруру» (Cardium), стали выскребывать ими свежее зерно ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся тарелка наполнилась белой кашей; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же яруры — в ложки.

Кушанье это было приготовлено так опрятно

и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха перед всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «монки-ля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на накапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что мое знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснение многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу в шлюпке.

Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шлюпку вытасченной на берег, так как был прилив, и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однако же, большое, свесившееся над водой дерево, называемое туземцами «субари» (*Calophyllum inophyllum*), к которому мы прикрепили шлюпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шлюпку к дереву с носа и таким образом оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню. Несколько туземцев, стоявших по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег.

Когда я собрался идти в деревню, один из

мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек 25 туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за пять до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у крутого поворота я увидел крышу первой хижины, стоявшей у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин.

В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но, кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные семьи, в деревнях встречаются еще и другие постройки — для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания, гораздо больше и выше остальных.

Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, лежащей на столбах и доходящей почти до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или спанья. Здесь же хранится посуда, размещенная разным образом под крышей, для общественных

праздников. Таких общественных домов, нечто вроде клубов²³, было в Бонгу 5 или 6, по одному почти на каждой площадке.

Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставлял по нескольку кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали, по крайней мере, я не видел ни одной. Деревня Бонгу была значительнее Горенду; раза в три больше последней. Как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных одна с другой короткими тропинками.

Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы; вокруг меня собралось около сорока человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 высоты. Крыша только на 1 фут не доходила до земли и поддерживалась посередине тремя здоровыми столбами. По сторонам, по 3 с каждой, были

²³ Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии.

вкопаны также столбы в 1 м высоты, к которым была привязана или прикреплена тем или иным образом крыша и на которые опирались главным образом стропила.

Крыша была немного выгнута наружу и сделана капитально, представляя изнутри частую, тщательно связанную решетку. Можно было быть уверенным, что она устоит против любого ливня и продержится десятков лет. Над нарами, как уже я сказал, было подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках; старые кокосовые орехи были скучены под нарами. Все казалось солидным и удобным.

Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из папуасов принимать за меня ответные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п. У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры²⁴, была разрисована белой, черной и

²⁴ Которая оказалась *vagina foliorum* (влагалищем листа) арековой и других пальм.

красной краской. К несчастью, шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных изображений рыб, солнца, звезд, кажется, и людей и т. п.

В одной барле я нашел, наконец, то, чего искал уже давно, а именно — несколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более 2 м) стояла посередине барлы около нар, другая (метра полтора) — около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снял копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые спрашивали, есть ли такие «телумы» в России и как они там называются.

В одной барле, укрепленное довольно высоко, так что я не мог его рассмотреть, висело бревно, вырезанное в виде ряда человекоподобных фигур. Эта барла была такая же, как и другие, и не представляла, кроме телумов, ничего особенного, что бы давало право считать эту постройку за храм, как были описаны аналогичные постройки в Дорэ и в бухте Гумбольда на Новой Гвинее разными путешественниками.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов. Я вынул нож и показал, что дам их два или три за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однако же, не взял, ожидая, что получу лучший.

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, обмениваясь рукопожатиями и провожаемый возгласами «Эме-ме». Когда мы добрались домой и выбрали все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкой. «Мало дают; кокосы старые, рыба жестка как дерево, бананы зеленые, да и ни одной еще женщины не видали», — ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

15 января

Ночью была гроза и ветер, юго-западный, порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо; почти что нет комаров и чувствуется прохлада. Около часа я был разбужен страшным треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что решительно ничего нельзя было разобрать, почему я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако, очень рано шумом сильного прибоя.

Было 5 часов. Начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед крыльцом была покрыта черной массой, выше

человеческого роста; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самой хижиной. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а влечет за собою массу лиан и других паразитных растений, ломает иногда ближайšie деревья или по крайней мере сучья их, опутанные лианами упавшего дерева.

Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах; у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться. Пришлось поэтому отправиться за водой, разложить костер и сварить чай, потом очистить немного площадку от поломанных ветвей, чтобы свободно ходить около дома.

Записав метеорологические наблюдения и дав лекарство Ульсону, часа на два я освободился и мог приняться за кое-какие анатомические работы. К 10 часам я принужден был, однако, оставить их, вспомнив, что нет дров для приготовления завтрака и обеда. Нарубив достаточно дров, я отправился к ручью вымыть рис, который затем сварил, испек в то же время в золе сладкий картофель. Посла завтрака я прилег отдохнуть, но моя сиеста была прервана приходом нескольких туземцев, которые надоедали мне до 3 часов.

Один из них указал мне на глубоко сидящую шлюпку; она была полна воды вследствие дождя, и

нельзя было оставить ее до следующего дня в этом положении, так как ночью мог быть снова дождь, и тогда шлюпка могла затонуть. Нехотя полуразделся, добрался до шлюпки и вычерпал не менее 23½ ведер воды. Занятие это с непривычки очень утомительное. Сбросив мокрое платье, я посмотрел на часы. Было 5 часов.

Пришлось идти снова на кухню и готовить обед; варить бобы я, разумеется, и не подумал, так как на варку их требуется около четырех часов. Сварил поэтому снова рису, приготовил кэрри, испек картофель и сделал чай. Провозился с этой стряпней, которая наводит на меня хандру, до 6 часов. Пообедал, да и то беспокойно: пришлось идти снять сушившееся белье, так как стал накрапывать дождь, приготовить лампу и т. д.

Даже питье чая не обходится без работы; не имею сахара уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал пить его с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем. Около 8 часов принялся за дневник.

В 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, запишу температуру воды ручья и моря, посмотрю на высоту прилива, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием

засну. Я описал сегодняшний день, как пример многих других, на тот случай, когда, позабыв подробности своей жизни здесь, буду к досаде своей находить, что мало сделал в научном отношении на Новой Гвинее.

17 января

Вздумал отправиться в Бонгу докончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему идти со мною. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на отлогий берег почти что выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, я должен был выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебегать с одного места на другое.

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, может быть, пожелали узнать, могу ли я бегать, и пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали; к моему удивлению, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех. Их было

человек пять, все они были здоровы, молоды и, кроме пояса, совершенно голы; на мне же, кроме обыкновенного платья, были надеты башмаки и гамашаи.

Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронте ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, но на этот раз (кажется, первый) женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижины. Лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от костюма мужчин тем, что, вместо пояса, спереди и сзади на них болтаются какие-то толстые фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько бананов и два куска мяса, вероятно, испеченных на угольях и аккуратно защемленных между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свининой, а другой — собачьим мясом, которое просили передать Ульсону.

Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему

предложил собачьего мяса, но кончил тем, что съел и его. Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший собачье мясо лучше свинины.

25 января

Дней шесть страдал от лихорадки; один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Ходил в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал несколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом туземцы хранят для себя воду, а именно — в больших бамбуках, как это делается и во многих местах Малайского архипелага. Узнал только сегодня, т. е. на 5-й месяц своего пребывания здесь, папуасские слова, означающие «утро», «вечер»; слова «ночь» еще не добился.

Смешно и досадно сказать, что только сегодня мне удалось узнать, как передать по-папуасски слово «хорошо» или «хорошее». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употреблял его. Очевидно, папуасы не понимали, что я этим словом хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить себя понять, если слово, которое хочешь знать, не просто название предмета. Например, как

объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-то слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который, по вашему мнению, не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь «хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услышав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь.

Потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением. На слово «дурно» туземец тоже говорит свое. Пробираешь несколько раз с разными туземцами — слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений, я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял. Оказалось, слово «хорошо» по-папуасски — «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два, называя что-нибудь «казь», и имел удовольствие видеть, что при этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли: «казь», «казь».

Однако я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на 3-й месяц; я стал искать поэтому случая проверить это слово. Я

встретил, как мне казалось, в Бонгу очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами, около хижины, стоял хороший горшок и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил вышеописанную процедуру.

Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова, я стал проверять, показывая на разные предметы, как то: целый и разорванный башмак, плод, годный для пищи, и другой, негодный, и спрашиваю: «ваб»? (слово, которое он мне сказал). Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже открыл, что «казь» — туземное название табака, а «ваб» означает большой горшок. К тому же у дикарей вообще есть обыкновение повторять ваши слова.

Вы говорите, указывая на хороший предмет: «казь»; туземец вторит вам: «казь». И вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно, слово для «хорошо» — «ауе» я приобрел окольными путями, на что употребил ровно 10 дней.

Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов

между собою, и чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, что нашел его, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: я стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам.

Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом, «нехорошо», выражается словом «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противоположного, которое есть «ауе».

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляли очень часто в разговоре со мною и которое, я полагал, означает «женщина». Только на днях, т. е. по прошествии четырех месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за которое они его считали. Как оно появилось и каким образом произошло это недоразумение, я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго пополняется и вряд ли когда будет значительным.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен.

Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть что-нибудь сладкое.

7 февраля

По уговору зашел ко мне Туй часов в 6, чтобы вместе идти в Бонгу. Туй решил сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

От Горенду в Бонгу приходится идти у самого берега, и во время прилива, как я уже упоминал, вода обдаёт ноги.

В Бонгу я открыл еще один большой телум, который и не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького, из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за 3 куса табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев Бонгу показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто другой из туземцев не хотели достать его. Тогда я сам направился к кусту и отыскал череп, лежащий на земле и окруженный костями свиней и собак.

Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это нехорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за

разные пустяки готовы были расстаться с черепами своих земляков, показали мне, что черепа у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежит какому-нибудь врагу и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом туземцев, на что, с удивлением, услышал, что это был «тамо Бонгу».

Я приступил затем к закупке съестных припасов. Рыбы достал много, потом выменял ветку созревающих бананов, которую взвалил на плечи. Наконец, с обоими телумами в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я предложил Дигу донести бананы и пару кокосов.

Наконец, я добрался домой. Едва успел я сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти под влиянием лихорадки так тряслись, зубы так стучали, что мне невозможно было сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я подобного пароксизма и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти шести часов.

При этом я был немало удивлен странным ощущением. При переходе от озноба к жару я почувствовал вдруг очень странный обман чувств. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, достает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как мои руки, и т. д.

Я ощущал при этом чувство громадной тяжести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду их.

Мои промокшие ноги и ощущение холода во время утренней прогулки не прошли мне даром.

8 февраля

Я принял 0,8 г хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и, хотя в ушах страшно звенело и я был глух весь день, пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29 °С), совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и почти постоянной песней цикад. По временам проглядывал луч солнца.

Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла стены моего палаццо. Далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами. Потом опять мало-помалу все тускнело и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

Крикливые люди также не мешали сегодня: никто не приходил. Я думал при этом, что в состоянии большого покоя (правда, трудно достижимого) человек может чувствовать себя вполне счастливым. Это, вероятно, думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут счастья в противоположном.

Я так доволен в своем одиночестве! Встреча с людьми для меня хотя не тягость, но они для меня почти что лишние; даже общество (если это можно назвать обществом) Ульсона мне часто кажется назойливым, почему я и отстранил его от совместной еды. Каждый из нас ест на своей половине. Мне кажется, что, если бы не болезнь, я здесь не прочь был бы остаться навсегда, т. е. не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, мое внимание было обращено на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. Притом в умеренных странах я никогда не встречал таких

различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все выросли на одной ветке.

Здесьняя растительность отличается от растительности умеренных зон громадным разнообразием паразитных растений и лиан, которые опутывают стволы и ветви деревьев, теряющих по удалении всех этих паразитов свой роскошный вид и кажущихся тогда очень мизерными. Те же деревья, которые растут свободно, отдельно, как, напр., у берега моря, представляют великолепные образчики растительного мира.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, положительно замечательное. У одного растения из семейства лилий листья гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни. Жалеешь, что не хватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать.

9 февраля

Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке; она привела меня к забору, за которым я увидел головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они

работали, сняв лишнюю одежду: вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади, на них, как и на мужчинах, был надет только пояс, но гораздо более узкий, чем у последних; перевязь его проходила между ногами. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группами сахарного тростника и не показывались, пока я был на плантации.

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко одна к другой воткнутых в землю палок, собственно стволов сахарного тростника: они были посажены в два ряда, отстоящие друг от друга на 20 см. Этот промежуток был наполнен обрубками стволов, сучьев, кусками расколотого дерева; а затем очень часто тростники, приходившиеся один против другого, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста.

Главным образом, придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни и начинал расти и с каждым месяцем и годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезом в заборе, так что приходилось переступать порог фута в 2 высотой. Это — мера предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию.